

МОИ ВСТРЕЧИ С АМОСОВЫМ

Юрий Александрович Фурманов

Известный украинский и советский ученый, доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники Украины, лауреат Государственной премии Украины за совместные с коллегами-медиками и сотрудниками Института электросварки им. Е. Патона разработки по использованию метода электросварки живых тканей.

Сорок с лишним лет возглавляет отдел экспериментальной хирургии Национального института хирургии и трансплантологии НАМН Украины имени А.А. Шалимова. Член Национального союза писателей Украины, автор шести книг прозы и поэзии. "Юрию Фурманову — истинному исследователю и романтику — в книге гораздо интереснее переживания живого человека, чем устройство прибора... Он не уходит и в мелочи малоинтересного научного быта, не занимается раздачей академических слонов, чем грешат его плодовые коллеги". (А. Рожен)

В 50-60 годы прошлого столетия, большинство молодых хирургов очень хотели повидать Николая Михайловича Амосова. О нем знали очень немного: что он приехал из Брянска, что заведует кафедрой хирургии санитарно-гигиенического факультета (кафедра находилась на Рейтарской улице). Я пришел на эту кафедру, когда Амосова уже на ней не было, а кафедра базировалась на Парковой алее над Днепром. Вот там мы работали на "скорой помощи" и от хирургов слышали рассказы об Амосове; говорили, что он был очень требовательным и жестким человеком. Повидать Амосова в эти годы мне не довелось. Уже после окончания института, работая фтизиохирургом в г. Фастове Киевской области, я раз в неделю ездил на операции в Институт грудной хирургии. В это время в нем уже были клиника сердечной хирургии, которой заведовал Николай Михайлович Амосов, и клиника легочной хирургии, в которой работали его ученики: профессор Григорий Гаврилович Горовенко и профессор Иван Моисеевич Слепуха — мой непосредственный учитель. Они ко мне отнеслись очень хорошо. Однажды один из сотрудников клиники повел меня к Амосову устраиваться на работу, сказав, что там есть место анестезиолога, и не пришел человек, который должен был занять это место. "Вот ты ж все равно из Фастова уедешь, а у тебя рекомендация на научную работу из института через два года практической работы и было бы очень хорошо туда устроиться". Об этом, конечно, я мог только мечтать. Пошли мы с ним к Амосову, зашли в кабинет, Амосов меня расспросил обо всем и спросил, сколько времени я работаю в Фастове. Я сказал, что работаю там полтора года. Он попросил меня выйти и сказал товарищу, который меня привел: "Ты знаешь, я не буду бегать по министерствам и добиваться, а найду других претендентов". Ну, в общем, не подошел я ему. С сегодняшней точки зрения я считаю, что мне повезло, потому что анестезиолога из меня, вероятно бы, не вышло. Я мечтал о хирургии, и это было для меня главным.

И все-таки в тубинституте я попал в экспериментальную лабораторию, что наложило отпечаток на всю мою дальнейшую жизнь. И уже работая в этой лаборатории, я познакомился с Амосовым при следующих обстоятельствах. Была конференция фтизиохирургов во Львове. Я в это время начал заниматься

протезированием трахеи и главных бронхов, причем это была интересная тема, в мире считалось, что это невозможно в принципе. Но мне удалось создать протез трахеи, бифуркации трахеи и даже главного бронха. С этим материалом я выступил во Львове, и на меня обрушился московский профессор Н.И.Герасименко, который сказал, что все это фантазии и чепуха. Я, конечно, был в ужасе от того, что такой маститый профессор, да еще из столицы нашей родины, меня чуть ли ни осмеял. Я сидел подавлен, правда, через несколько минут подхватился, соответствующе ему ответил, что тоже ему, конечно, не понравилось. И вдруг на сцену выскочил Николай Михайлович Амосов и сказал: "Чего ты набросился на парня? Я, правда, никогда не видел, что он делает, но я в Киеве обязательно посмотрю — мне кажется, что это очень интересно". Вот это и было наше непосредственное знакомство. Много лет это знакомство продолжалось, в тубинституте мы с ним встречались не очень часто.

После семи лет работы в экспериментальном отделе, будучи кандидатом наук, я перешел в клинику. В клинике легочной хирургии мне хорошо работалось. Именно там я начал заниматься пересадкой легкого на собаках, используя свой предыдущий "экспериментальный" опыт. Это была нелегкая работа, и я нажил себе травматический радикулит на всю оставшуюся жизнь. Первые операции длились по 8-10 часов, очень сложно было, причем это все происходило в примитивных условиях. В одной операционной я забирал легкое у собаки, нес его через двор, и во второй операционной мы его пришивали другой собаке после резекции ее собственного легкого. Мы дежурили по ночам с иммунологами, пока собаки не просыпались после операции, не вставали на ноги. Первые оперированные собаки погибли, но несколько выжило. И среди них был пес, который потом стал знаменитым. Это был Мохер, который прожил с пересаженным чужим легким один год и 6 месяцев. Многие приходили посмотреть на эту собаку, я казался себе героем. Приезжала Ольга Матвеевна Авилова, которая привозила Мохеру колбаску, приходил Николай Михайлович Амосов — все это было очень интересно.

Однажды, когда мы с легендарным пациентом "Мохером" шли на рентген в клинику, нам повстречался Амосов. Псу он явно не понравился и Мохер его обляял довольно злобно. А жена директора, гордо шествовавшая во главе нашей группы, бегала вокруг и причитала: "Мохерчик, Мохерчик, успокойся... Вы его извините, Николай Михайлович, он же не знает, что вы академик!". Амосова реакция животного не смутила, он обожал и своих, и чужих собак и заинтересовано расспрашивал нас, что да как...

В это время стало известно, что Кристиан Барнард пересадил сердце человеку. Амосов пройти мимо этого не мог. У него сразу же возникла идея о создании группы по пересадке сердца, и он пригласил в эту группу меня. Я ему сказал, что когда-то мечтал к нему прийти, но он меня не взял, а сейчас я работаю в легочной клинике, у меня прекрасные учителя и очень хорошие отношения с ними, я их не брошу. Когда Амосов у себя в клинике рассказывал о том, что создается такая группа, и вот даже Фурманова пригласил, один из его сотрудников, которого я хорошо знал, сказал: "А зачем он нам нужен?" Амосов сказал: "Нет, он нам очень нужен, но он сам отказался". Вы представляете, что такое было

отказаться от предложения Амосова перейти к нему. Но я об этом тоже не жалею. Потом я перешел к Александру Алексеевичу Шалимову, который вскоре назначил меня заведующим отделом.

Могу Вам сказать, что я совершенно не верю, что было какое-то соперничество между Шалимовым и Амосовым. Все это абсолютнейшая чепуха. Наоборот, однажды мне показали: "Видишь, идет парень — это зять Амосова". Я подошел, и мы познакомились — это был Володя Мишалов, который только-только пришел к нам в институт, мечтал сделать диссертацию, у него был стимул — жена уже была чуть ли не доктором наук, а он еще был обычным врачом и работал в одном из наших отделений. Я сказал: "Володя, я тебе скажу честно, если ты хочешь сделать диссертацию, плюнь на все, переходи ко мне — я тебе гарантирую, что за полтора года ты сделаешь диссертацию". Мы долго с ним скрывались от заведующего отделом, у которого он начал работать, по коридорам чуть ли ни прятались, а потом пошли к Александру Алексеевичу Шалимову. Я ему сказал: "Александр Алексеевич, это зять Амосова. Ну что, он будет там годами сидеть в этой клинике? Пускай он сделает у меня диссертацию, а дальше делает, что захочет".

Шалимов был умным человеком, и он дал согласие. Володя Мишалов перешел к нам. Как раз тогда мы разрабатывали микрохирургические шовные материалы. Это были первые иглы в Советском Союзе. И Володя начал осваивать это дело. Могу сказать, что он был работоспособен чрезвычайно: он работал по субботам, воскресеньям, вечерами, фактически сжег операционный микроскоп на этой работе, прооперировал сотни крыс. У него получилась очень хорошая диссертация. И это был редчайший случай, когда, в общем, я предсказал все: от момента, когда он переступил порог нашей лаборатории, до момента официальной защиты прошло именно полтора года. На бульваре Тараса Шевченко, в аудитории во время его защиты передо мной сидел Николай Михайлович Амосов. Он повернулся и говорит: "Ну что ты такой расточительный — тут бы две диссертации получилось". Я говорю: "Николай Михайлович, пускай будет одна хорошая, а мы себе еще заработаем".

Володя блестяще защитился, все было очень хорошо, праздновали успех мы в тесном кругу у Володи дома — он тогда жил за автовокзалом. Александр Алексеевич Шалимов и я были с женами. Амосов сказал жене Шалимова сакраментальную фразу, которую я запомнил на всю жизнь: "Помни, Саша — это всенародное достояние, береги его". Я считаю, что это — полное опровержение того, что говорили об их неважных взаимоотношениях.

Мы и потом много встречались с Амосовым, а однажды встретились на конференции в Москве. Тогда как раз Борис Васильевич Петровский, который был директором Института клинической и экспериментальной хирургии и министром здравоохранения, разработал проект приказа о гуманном отношении к экспериментальным животным. На конференции Борис Васильевич с трибуны этот документ огласил. У него было, так сказать, нормальное отношение к экспериментальным животным — среди хирургов такое тоже бывает. В перерыве мы пошли в буфет. Николай Михайлович ткнул меня острым локтем в бок и говорит: "Видишь, о твоих животных уже позаботились", а я отвечаю: "Николай

Михайлович, я надеюсь, что мы доживем до того времени, когда позаботятся и о наших людях". Так что отношения у нас были с ним вполне нормальные. Иногда он меня поддевал: "Долго ты еще будешь своими шовными материалами заниматься? До каких пор это будет продолжаться?" Я отвечал: "Николай Михайлович, не волнуйтесь, уже недолго осталось". Было не обидно, и все превращалось в шутку...

Я не могу, конечно, считать Амосова своим учителем, поскольку я никогда с ним не работал, но я его считаю своим литературным учителем. Дело в том, что мы все были воспитаны на его книге "Мысли и сердце". Я считаю, что это совершенно гениальная книга, которая проложила не только новое направление в медицине, но еще и совершенно новое направление в литературе. Все мы, медики, учились практически на этой книжке. Вот так вышел "Бар'єр несумісності" моего друга Юры Щербака, который общался с Амосовым и которого очень интересовала — сердечная хирургия. Получилась очень интересная книга, я ее люблю до сих пор. Тогда мне уже стало завидно: как так, Щербак — эпидемиолог, работает в Институте бактериологии, а хорошо пишет о проблемах сердечной хирургии, о проблемах трансплантации, а я, который всю жизнь вращаюсь в этой среде, ни слова не написал об этом деле.

И вот тогда была написана повесть "Трансплантация". В ней Амосова нет ни как действующего лица, ни даже как прообраза. Это была повесть о пересадке поджелудочной железы и пересадке человека в новое служебное кресло. Амосову эта повесть понравилась, он высказал свое положительное мнение, я, естественно, подарил ему книгу, а он подарил мне свою — тогда такая толстенная книжка вышла с его избранными произведениями, и он всегда при встрече говорил: "Ну, ты хорошо пишешь, молодец, пиши дальше". И я писал дальше.

Последняя встреча у нас произошла с ним незадолго до его смерти, на защите диссертации нашего сотрудника. Мы столкнулись с ним в вестибюле, опять же там, на бульваре Шевченко. Я ему говорю: "Николай Михайлович, это очень хорошая диссертация". "Я ее не читал, но ничего хорошего в ней нет". Вот в этом весь Амосов! Он заранее все знал, но проголосовал "за", конечно. Потом был фуршет после защиты, и мы с ним сидели рядом. Я смотрю, Николай Михайлович одну рюмку коньяка наливает себе, вторую... И я ему напомнил историю, которая произошла в тубинституте во времена моей молодости.

Дело в том, что каждый молодой сотрудник, который приходил в легочную клинику, почти автоматически становился преподавателем на кафедре у Амосова. Амосов тогда заведовал кафедрой Института усовершенствования врачей. Это было совсем не денежно, но когда кончался курс, курсанты приглашали Амосова в ресторан "Динамо", и там проходила душевная беседа. Амосов рассказывал о своем депутатстве, как он выступал на Верховном Совете и так далее. Причем была такая традиция: перед всеми ставились бутылки водки (хирурги были люди небогатые), а перед Амосовым — бутылка коньяка, и он всегда говорил: "Вы мне наливайте, но не доливайте, а то я счет теряю".

И вот во время фуршета я ему напомнил: "Николай Михайлович, а помните ту вашу такую сакраментальную фразу?" — "Ну, вечно ты что-то выдумашь — никогда я в жизни такого не говорил". Но ведь говорил же...

Вот это и была наша последняя встреча, к большому сожалению. А потом были его похороны из зала Академии наук. На кладбище было холодно. Там я встретил многих моих товарищей из тубинститута. Практически под стенами института его похоронили. Памятник на могиле Амосова сооружен силами родственников.

Замечательный, конечно, был человек Николай Михайлович Амосов, выдающийся. Я считаю, что он был одним из гениев XX века, и могу сравнить с ним только С.Н. Федорова, с которым я тоже был очень близок и, кстати, их познакомил! Федоров приезжал довольно часто в Киев, потому что на протезном заводе ему делали протез по его собственной конструкции. Однажды я предложил Федорову познакомить его с Амосовым. Я пришел к Амосову, говорю: "Николай Михайлович, Федоров будет на днях в Киеве, вы не хотите с ним познакомиться?" — "Хочу". Амосов особой любезностью никогда не отличался.

Федоров пришел в тубинститут, я его отвел к Амосову, а сам скромно удалился. Потом я Федорова спрашиваю: "Как тебе Амосов?" — "Замечательный человек!"

Слава редко о ком-то говорил в таком возвышенном тоне, и я понял, что Амосов ему очень понравился. Уже в последние годы, когда Николай Михайлович не работал, я был у Федорова в Москве, сидел с ним в кабинете, и мы заговорили об Амосове. Федоров сказал: "Я так бы хотел, чтобы он приехал ко мне сюда". Я говорю: "Ну, так ты бы его пригласил". — "Ну, а как я его приглашу?" — "У меня есть домашний телефон — давай позвоним". А Федоров страшно любил такие вещи, особенно радиотелефоны — их еще ни у кого не было, он связывался из машины, из кабинета, из других мест. Мы позвонили, я говорю: "Николай Михайлович, это Фурманов, я сейчас нахожусь в гостях в Святослава Николаевича Федорова, он хочет с вами поговорить". Отвечает: "Ну, давай, давай". "Николай Михайлович, я очень прошу Вас приехать. Очень были бы Вам рады, у нас тут много нового, мы бы вам все это показали. Приезжайте за наш счет". — "Нет, я уже никуда не поеду, я себя плохо чувствую и не приеду". Вот такой был момент. Но Федоров очень импонировал ему, они встречались на Верховном Совете, а потом в клинике Амосова, одно время работали по его системе.

Н.М. Амосов был выдающимся человеком, я таких очень мало в жизни встречал и считаю, что мне повезло!

2013 г.

"Николай Амосов. Воспоминания современников"
Киев, Издательский дом "Личности", 2015